

Памяти
Фрэнка Камени (1925–2011),
который никогда не боялся
никого поправлять

*Этот первый и в каком-то смысле
единственный закон разума, чтобы узнать
который, вы должны действительно
хотеть его узнать и в таком желании
не удовлетворяться тем, к чему на данный
момент склоняются ваши мысли, дает
себя в заключении, которое само по себе
заслуживает быть записанным на каждой
стене города философии: не создавай
препятствий на пути исследования.*

ЧАРЛЬЗ САНДЕРС ПИРС

Оглавление

<i>От переводчика</i>	11
Глава 1. Новые угрозы для свободы слова	19
Глава 2. Становление либеральной науки	61
Глава 3. Политика либеральной науки	98
Глава 4. Угроза фундаментализма	141
Глава 5. Угроза человеколюбия	171
Глава 6. <i>Et Expecto Resurrectionem</i>	233
Послесловие. Меньшинства, моральное знание и использование языка вражды	245
<i>Благодарности</i>	269
<i>Примечания</i>	271
<i>Предметно-именной указатель</i>	281

От переводчика

Я пишу эти строки в довольно напряженное для свободы слова в России время. 7 марта 2019 года Госдума приняла закон о запрете публикаций, содержащих в себе “неуважение к власти”. В следующем месяце, 16 апреля, — закон о “суверенном интернете”, который при желании позволит изолировать страну от всего мира. Трудно поверить, но это действительно происходит и, похоже, не вызывает у большинства людей серьезных переживаний. Вот почему мне кажется таким важным, что на русском языке выходит книга Джонатана Рауша “Добрые инквизиторы”.

Речь в ней, правда, идет не о внешних ограничениях, а о внутренних — тех, которые мы по разным причинам накладываем на себя сами. Американский журналист Рауш пишет о старых и новых угрозах свободомыслию: со стороны фундаментализма, эгалитаризма и гуманизма. И хотя история отношений со свободой слова в США и России очень разная, проблемы уходят корнями в общую человеческую психологию. Чтобы их разрешить, автор напоминает несколько забытый ответ на всегда актуальный вопрос: зачем свобода слова нужна нам в принципе?

Книга Рауша попала мне в руки в начале 2010-х, когда я писала кандидатскую диссертацию о журналистской этике. Уже отгремели скандалы с датской газетой *Jyllands-Posten*, опубликовавшей карикатуры на пророка Мухаммеда; не за горами был расстрел радикальными исламистами редакции французского сатирического журнала *Charlie Hebdo*. И в воздухе уже как будто висело неодобрение в адрес “распоясавшихся журналистов”. В разговорах с людьми становилось понятно, что мало кто считает свободу слова ценностью. Вопросы вроде “Зачем провоцировать?” ставили в тупик. А принятому вскоре в России закону об оскорблении чувств верующих многие были только рады.

К тому времени я уже несколько лет работала в СМИ и успела сделать два огорчительных наблюдения. Во-первых, практикующие журналисты в России довольно редко ориентируются на теорию журналистской этики, поэтому уровень публикаций чаще всего зависит от общих моральных принципов конкретного журналиста или его главного редактора. Во-вторых, за пределами профессии люди склонны считать, что журналистская этика подразумевает главным образом самоограничения и запреты — будто бы журналист тем этичнее, чем больше он себе запрещает.

Надо ли говорить, что зарубежные книги по теории журналистики, которые я тогда читала, рисовали совсем другой идеал информационного устройства общества. И настойчиво подсказывали, что эти две проблемы взаимосвязаны. Ведь люди хотят, чтобы журналисты побольше себя ограничивали, так как боятся, что они своими действиями навредят обществу. А происходит это потому, что в журналистской профессии, родившейся в нашей стране фактически только после распада Советского Союза, все

еще не сложилось четких моральных стандартов, которые были бы понятны всем.

Отсюда следует простая, но не вполне очевидная мысль: правила журналистской этики существуют вовсе не для того, чтобы повысить уровень общественной духовности, а затем, чтобы расширить журналистскую свободу. Журналистская этика устанавливает правила и ограничения внутри профессии в попытках избежать давления извне. Именно свобода информации — конечная цель профессионального саморегулирования, и она же — одна из основных моральных ценностей в журналистике. На этом и делает акцент Рауш: свобода слова — это *моральная* ценность.

В чем ее моральность, автор очень хорошо показывает на протяжении всей книги. Развитие знания, говорит он, наиболее эффективно происходит в обществах с либеральной интеллектуальной системой. Как и другие либеральные системы, она имеет возможность “краудфандить” ценное (в данном случае — ценные идеи) и естественным образом выбраковывать ненужное. Так же (путем отбора наиболее удачных моральных идей) развивается и моральное знание, прогресс которого мы можем наблюдать в течение последних столетий. Любые попытки ограничить свободу мысли уменьшают шансы на то, что ценная идея, в том числе моральная, будет услышана или вообще родится. А искоренять предубеждения силой центральной власти значит просто насаждать те предубеждения, которые близки этой власти. Стало быть, для более счастливой жизни всех членов общества свободу мысли и слова лучше никак не ограничивать.

Почти все это мы слышали со времен Мильтона, но Рауш вплетает в старую канву новые детали и аргументы. Он предлагает термин “либеральная наука”, чтобы показать, как научный образ мысли помог выстроить самую эффективную на сегодняшний день систему сортировки информации (систему, позволяющую отличать истину от заблуждения).

А дальше популярно объясняет, почему появившиеся на рубеже веков такие позитивные во многих отношениях социальные явления, как политкорректность, уважение к меньшинствам и стремление минимизировать психологический ущерб, могут при неудачном раскладе положить этой системе конец.

Либертарианская и утилитаристская логика Рауша может быть не близка, но она невероятно завораживает. Иногда у автора хочется спросить, не сошел ли он с ума. Иногда возникает желание поморщиться: “Ну зачем он так?” Сидящий в глубине души поборник человеколюбия то и дело подначивает: “С такими друзьями и враги не нужны”. Но в конце, несмотря на все локальные несогласия, вдруг начинаешь понимать, что ни добрых, ни злых инквизиторов вокруг себя терпеть больше не хочется. Их было слишком много. Хватит.

И тут сами собой формулируются ответы на вопросы, которые раньше в разговорах с людьми приводили в замешательство. Почему свободный журналист — лучше, чем скованный миллионом внешних обязательств. Почему разумная мера оскорблений — это нормально. Почему информационные споры лучше решать не в суде, а в органе профессионального саморегулирования (напомню, что в России это — Общественная коллегия по жалобам на прессу). Почему, в конце концов, это почти никогда не дело правительства — решать, какие мысли можно произносить вслух, а какие нет.

И последнее. В России на наших глазах происходит потрясающий процесс — борьба меньшинств и исторически ущемляемых групп за свои права. Ярче всех, на мой взгляд, выступают феминистки. В своих блогах и телеграм-каналах они делают очень важное дело, меняя устоявшийся взгляд на вещи. Но в пылу схватки — и это банальность, но ее стоит повторить — угнетенные нередко становятся угнетателями. Они превращаются в яростных цензоров, готовых загрызть

своих идейных оппонентов. Я очень надеюсь, что активисты самого разного толка тоже прочтут эту книгу и вместе со всеми нами — консерваторами и либералами, патриотами и космополитами, журналистами и пропагандистами, гуманистами, ксенофобами, гомофобами и женоненавистниками — перестанут призывать к линчеванию тех, кто с ними не согласен.

КАРИНА НАЗАРЕТЯН,

*кандидат философских наук, эксперт Общественной
коллегии по жалобам на прессу, апрель 2019 года*